

Ирина Нахова: есть деньги на краски — и слава Богу

Сегодня — 1995 — 4 авг. — С. 10

Перед вами, читатель, очень скверное интервью, из тех, что катастрофически не получились. Потому как у Ирины Наховой — жесткий эмоциональный панцирь, свою речь, тем более предназначенную для газеты, она строго контролирует и не позволяет себе сказать ничего лишнего.

В этом характер Ирины Наховой. В истории современного русского искусства за ее именем уже волочится длинный хвост легенд. В 1970-е в кругу художников-концептуалистов она была самой юной — на десять лет моложе остальных, очень че-

столюбивой и невероятно работоспособной. Она придумала жанр «комнат» — когда из комнаты в квартире на несколько дней делали выставочное пространство («пространства-обманки»). Эту ее идею позднее позаимствовал Кабаков.

Влюбленные когда-то в нее мужчины (а их было немало) вспоминают железный характер Ирины Наховой и с восхищением, и с содроганием. Прекрасно образованная, великолепно знающая английский, всегда ощущавшая себя космополитом, Нахова легко, без колебаний и ностальгии, уехала на Запад,

АНАТОЛИЙ ГРИЦОК

ИРИНА НАХОВА

сейчас преподает — есть ли еще такие русские художники? — в Америке.

Людмила Лунина

— Ира, это ведь ваше первое интервью отечественной газете. Самый банальный вопрос: с чего все началось?

— Лет в тринадцать я уже знала, что могу быть только художником. Мои родители не имели прямого отношения к искусству и не без труда, через знакомых, отыскивали для меня «живого» художника. Им оказался Виктор Пивоваров. Через Пивоварова я познакомилась с художниками, которых позднее запишут в московские концептуалисты. О семидесятых у меня остались самые светлые воспоминания.

Большинство людей боится, или не может, или не умеет жить собственной жизнью: вначале оглядываются на родителей, потом приносят себя в жертву детям или мужу. Мне же очень рано стало ясно: моя работа и есть собственно моя жизнь, самая ее интересная часть.

Я окончила Полиграфический институт — единственное место, где можно было получить художественное образование заочно, чтобы не терять время на истории КПСС. Службу по трудовой книжке я выдержала ровно две недели — надо было рисовать подписи к экспонатам Литературного музея. В конце концов, как и все остальные — Булатов, Кабаков, Штенберг — я начала оформлять детские книги. Это было замечательно: на одну книжку уходило от недели до месяца, а на заработанные деньги можно было жить и заниматься своим делом целый год.

— Вы себя каким-то образом соотносите с концептуализмом?

— Да, хотя я всегда стояла немного особняком. Дело в том, что самым адекватным для меня способом выражения был не текст, а собственно пластика, язык не вербальный, а визуальный. Вначале живопись, затем объекты и инсталляции.

После миниатюрных книг хотелось делать монументальные вещи. В музее Царицыно у Андрея Ерофеева хранятся мои холсты — плафон «Времена года». Они колоссальных размеров. Я даже сама не видела работу в собранном виде.

— А потом грянула перестройка...

— Ситуация стала меняться к началу восьмидесятых. Многие к тому времени уехали, другие пребывали в депрессии. У всех было ощущение усталости.

В 1987 году, как только разрешили путешествовать по частным приглашениям, я уехала в Италию. Классическое искусство, которое мне тогда довелось увидеть, было

известно по книгам, я встретилась с ним, как со старым знакомым. История искусства — моя стихия. Мне кажется, это единственная подлинная история цивилизации, ведь учебники по истории можно переписать, а переделать искусство невозможно.

После Италии началась цыганская жизнь, череда выставок. Проект «Искусство» был показан в Германии, России и Швеции. Вместе со Свенном Гундлахом я работала в Лондоне, потом, уже одна, в Испании.

ИНСТАЛЛЯЦИЯ «ДРУЗЬЯ И ЗНАКОМЫЕ». ФРАГМЕНТ. НА ЖИВОЙ МОДЕЛИ (ИЛИ НА МАНЕКЕНЕ) — ПАЛЬТО. НА ПАЛЬТО НАРИСОВАНА АНТИЧНАЯ СКУЛЬПТУРА. СТОИТ ЗРИТЕЛЮ ПРИКОСНУТЬСЯ К ПАЛЬТО, РАЗДАЕТСЯ ЗАПИСАННЫЙ НА ПЛЕНКУ ГОЛОС, ПРОИЗНОСЯЩИЙ ЧТО-ТО НЕПРИЛИЧНОЕ И ГРУБОЕ — РАСИСТСКОЕ ИЛИ АНТИСЕМИТСКОЕ. ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПРЕТЕНЗИЙ АННОТАЦИЯ ИЗВЕЩАЕТ, ЧТО АВТОР ИНСТАЛЛЯЦИИ — ЕВРЕЙ. ТЕМНОКОЖИЕ ПОСЕТИТЕЛИ, ОЧЕВИДНО, ОБИЖАЮТСЯ МЕНЬШЕ

— Вы участвуете в «женских» выставках. Наверное, за границей вас поспешили записать в феминистки?

— Мне приходится читать лекции в университетах, и вопрос о феминизме так или иначе всплывает. У меня собственное понимание феминизма. Он необходим как этап осознания себя как личности и совершенно не годится в качестве цели жизни художника.

— Уже год вы преподаете в Америке. Вам там не надоело?

— Для меня это совершенно новый опыт. Да и какая разница, где жить. Если есть душевное равновесие, везде неплохо. К тому же художники имеют способность находить друг друга. В Америке у меня есть круг друзей, с которыми мне комфортно.

— Чему вы учитесь американских студентов?

— Ничему. Я учусь вместе с ними. Я им сказала сразу, что мы коллеги и будет замечательно, если мы поможем друг другу.

Wayne State University, где я преподаю, во-первых, самый большой в штате, и, во-вторых, художественное отделение в нем очень консервативно. Там была вполне академическая подготовка. Думаю, меня и взяли-то потому, что я могу писать картины в традиционном ключе.

Чтобы не скучать, я придумала курс инсталляции. Мы сделали проект для города — экспозицию в заброшенном вокзале. Попали в точку. На открытие собралась толпа, пришли даже те, кто вообще не интересуется искусством.

Детройт — город умирающий. После расовых волнений 60-х белое население стало уезжать, количество жителей сократилось с трех до одного миллиона. Странный пустой город темнокожих с фантастической архитектурой. На всем — следы запустения. Это как Помпеи. Очень депрессивное место.

Старый вокзал превратился в символ прежних славных времен. Мои студенты сделали из него собор — величественный и разоренный. На стенах нарисовали куски осыпавшейся фрески, принесли скульптурные обломки, дополнили картину звуками уходящих поездов. Повесили одежду на лесках — ее эффектно трепал ветер. Перед зрителем предстал призрак. Акция продолжалась четыре дня и стала событием для всего города.

— Вы с кем-то встречаетесь в Америке?

— Недавно видела Кабакова. В октябре этого года в нью-йоркском театре Magestic состоится премьера оперы. Музыка написал Владимир Тарасов, а либретто и художественное оформление сделал Кабаков.

— И о чем опера?

— О коммунальной квартире, конечно.

— Вы вернетесь?

— Не хочу загадывать. За мизерным исключением художники везде живут одинаково, они редко бывают богаты, но и особого значения своей материальной неустроенности не придают. Ты жив, не болен, не голоден, у тебя есть деньги на краски — и слава Богу.